

СТАНОВЛЕНИЕ НОВОНИКОЛАЕВСКА / НОВОСИБИРСКА КАК СТОЛИЦЫ СИБИРИ В НАЧАЛЕ 1920-х гг.

Представлен анализ факторов социально-экономического роста и преобразования Новониколаевска (Новосибирска) в административный центр Сибири в начале XX столетия. Дается описание состояния города, положения городского населения и разрушительных последствий гражданской войны. Отмечены противоречия и споры в управленческой среде по вопросу выбора Новониколаевска в качестве административного центра. Особое внимание уделено процедуре перемещения органов власти и управления из Омска в Новониколаевск. Показаны способы решения коммунальных и жилищных проблем в условиях кризиса, использование чрезвычайных мер в ходе образования новой столицы Сибири. Содержится вывод о вполне закономерном и обоснованном характере придания городу особого административного статуса в послевоенных условиях Советской России.

Ключевые слова: Сибирь, Сибревком, административный центр, Новониколаевск/Новосибирск, переезд, жилищный кризис.

Об истории города Новониколаевска (Новосибирска) издано множество публикаций различного жанра. Часть из них посвящена периоду образования и начального роста города, но большинство изданий описывает советскую эпоху, в течение которой город совершил стремительный скачок в своем развитии, превратившись из небольшого железнодорожного узла в столицу огромного края [1–9].

В публикуемой статье представлена попытка в деталях рассмотреть процесс становления Новониколаевска в ранний советский период, проследить путь преобразования города в административный центр Сибири в необычных условиях — в обстановке острейшей гражданской войны и преодоления ее чудовищных последствий. Эти условия стали главной особенностью начала советской истории города. Для жителей и многочисленных переселенцев, заселявших город в 1920-е годы, они были источником невероятных трудностей, фактором постоянной борьбы за выживание под влиянием голода, эпидемий и своеобразных социальных большевистских экспериментов.

Необычная история Новониколаевска началась со строительством железнодорожного моста через Обь в 1890-е годы. Этот период описывается в публикациях как история небольшого быстро растущего рабочего поселка, где вслед за пролетами моста и участками Сибирской магистрали возникали земляные и деревянные жилища, а затем и остальные сопутствующие постройки — склады, механические мастерские, кирпичные заводы, торговые здания, каменные жилые дома, школы...

После того как строительство моста и пути завершилось, население поселка стало быстро увеличиваться, выросли торговые обороты, появились предприятия по переработке местного сырья. Вслед за ними пришли и кредитно-финансовые органи-

зации — отделения крупных банков и страховых компаний. Новый вид транспортной связи в сочетании с водными путями на юг и на север оказался главным фактором дальнейшего прогресса: поселок приобрел такие торгово-экономические и финансовые преимущества, которые через несколько лет позволили ему обогнать в темпах развития старые сибирские города и занять особое политическое и административное положение в регионе.

Процесс обретения Новониколаевском статуса города общесибирского значения начался в дореволюционную эпоху под влиянием ускоренного роста транспортного узла, но достиг своего финала с приходом советской власти. Процесс протекал с необычайной быстротой и прошел ряд предварительных этапов, итогом которых стало оформление города как административного центра Сибири в 1921 году.

Уже с периода Первой мировой войны Новониколаевск формировался практически в чрезвычайной обстановке. Его социально-экономический рост происходил за счет сырьевых и продовольственных поставок на рынок, размещения резервных армейских частей и транзита различных грузов по водным и железнодорожным путям. Но особую роль в его развитии сыграли события революции и гражданской войны. Небольшой провинциальный городок оказался в круговороте масштабных перемен: через него хлынул огромный людской поток, включавший тысячи беженцев и военнопленных, конных и пеших военных контингентов с тыловым обеспечением и многочисленными кадрами новых советских служащих.

Как только в декабре 1919 года от города была отброшена армия Колчака, в Новониколаевске был создан ревком, руководителем которого был назначен В. Ф. Дружицкий. Органы местного самоуправления упразднены, полномочия городской Думы

и Управы перешли к Коммунальному отделу ревкома в составе трех человек, выдвинутых парткомом¹ [10, л. 34].

По условиям времени ревком вынужден был принимать безотлагательные решения. В течение нескольких дней был сформирован его руководящий состав и уже с первых чисел января он стал действовать как губернский центр управления под названием Новониколаевский (Томский) губревком. Такое двойное обозначение появилось в результате того, что в этот исторический момент Новониколаевск вновь оказался в более выгодном стратегическом положении по сравнению с прежними административными центрами ввиду необходимости оперативного руководства боевыми действиями Красной армии вдоль линии Транссиба и дальнейшего завоевания территории Востока. Именно здесь, а не в Томске, сходились не только основные коммуникации регионов Сибири, но и нити управления территориями и войсками. Таким образом, небольшой «безуездный» городок с 93-мя тысячами жителей внезапно приобрел новый статус.

С 9 января 1920 года по решению Сибревкома в должность председателя губревкома в Новониколаевске вступил Марк Левитин — бывший меньшевик, ставший большевиком и председателем Сибирской областной ЧК. Одновременно с этим было принято и другое важное решение: перенести в Новониколаевск аппарат управления во главе с Сибревкомом, который до сих пор базировался в Омске. Об этом сообщил, в частности, член сибирского руководства В. М. Косарев. На заседании Новониколаевского ревкома 29 декабря 1919 года он проинформировал собравшихся о том, что Сибревком постановил «переместить центр из г. Омска в г. Новониколаевск по различным экономическим и социальным условиям», выразив, таким образом, решимость новой власти перестроить прежнюю административную систему в Сибири [11, л. 114–115].

Но до полного исполнения замысла дело не дошло: Новониколаевск в этот период не стал ни губернским, ни общесибирским центром. Для столь важного изменения не оказалось необходимых условий. Против назначения Новониколаевска на новую роль настойчиво выступили томские руководители, справедливо усмотревшие в таком решении значительное понижение статуса своего города. Серьезные возражения были и у профсоюзных организаторов.

В одной из сводок на эту тему они отмечали: «...Обстановка, превращающая Томск в уездный город, сразу не могла, конечно, понравиться последнему. Да и была, в сущности, правильной. После нескольких месяцев борьбы, колебаний, губительно отозвавшихся как на работе Томска, так и Новониколаевска, центр снова переносится в Томск, куда перебрасываются и учреждения вместе со своими служащими и архивами.

Это было сделано несмотря на постановления губконференции профсоюзов (участвовали союзы всей губернии, за исключением Томска), признавшей желательность оставления центра в Новониколаевске» [12, л. 24 об.].

Оба решения Сибревкома — о переезде в Новониколаевск и предании городу статуса губернского центра — в середине марта 1920 года были приостановлены. В апреле-мае губернские учреждения переместились в Томск, название губернии стало прежним — Томская.

Исполнению первоначального замысла Сибревкома в самом деле не позволяла критическая обстановка. Испытывая огромный дефицит жилых и служебных помещений, город в этот момент оказался также в эпицентре стихийных бедствий из-за массовой эпидемии, растущего голода, антисанитарии и топливного кризиса. На первый план вышла задача ликвидации катастрофических последствий гражданской войны.

Наводненный тысячами военнопленных и беженцев, частями Красной армии и разного рода ходоками-переселенцами, Новониколаевск представлял собой необычную разноязыкую человеческую массу, ищущую прибежище и спасение от холода, заразных болезней и голодной смерти. Люди умирали сотнями в день...

В январе 1920 года в приказе Левитина, назначенного руководить губревкомом, говорилось: «В общей разрухе... особенно ярко выделяется очень тяжелый топливный кризис. ... Города остались почти без дров. Отопление госпиталей, больниц, казарм и приютов почти прекратилось. Раненые и больные умирают от холода. Гибнут, заболевая от холода, рабочие и дети. Замерзают мобилизованные Колчаком «белые» солдаты. Работа во всех советских учреждениях, фабриках, заводах и железных дорогах приостанавливается ввиду распространения эпидемии тифа, который косит обильную жатву. Революционный город в опасности...» [13, л. 5].

В другом сообщении весной 1920 года руководители Новониколаевска телеграфировали в Москву: «Город [в] ужасном санитарном состоянии: около двадцати тысяч тифозных трупов. Рытье братских могил заканчивается. Все трупы свезены [к] могилам. Перевозка тифозных больных и трупов возложена [на] особый добровольческий санитарный отряд. Сильный недостаток рабочей силы, важность и спешность работ привели [к] решению произвести мобилизацию мужского населения города от 18 до 30 лет и беженцев» [14, л. 2].

В течение нескольких месяцев город жил в обстановке чрезвычайного положения, ведя отчаянную борьбу с распространением эпидемии тифа и других болезней, мобилизуя жителей на заготовку дров, собирая и хороня тела умерших. «Все дома были заняты «Чекатифом», а в городе диктаторствовал «Чекатруп», построивший два крематория и рывший версты глубоких траншей для погребения трупов»² [16, л. 150]. Для отопления служебных помещений и жилья люди жгли заборы, деревянные тротуары и внутренние переборки зданий.

Драматизм переживаемых событий отражался в каждом официальном отчете этого периода. В докладах Новониколаевского ревкома в марте 1920 года, в частности, отмечалось: «... После ухода войск Колчака масса военнопленных, зараженных тифом, заразила город; из города тиф перекинулся в села и деревни. В январе заболеваемость достигала 60 %, в начале февраля поднялась до 68 %. (...) Все, что можно было, все средства и силы борьбы были собраны воедино и открыто 16 госпиталей, по преимуществу военных, но их, конечно, не хватало... Госпитали были переполнены сверх всякой меры — больные лежали на полу в коридорах, на лестницах так густо, что в госпиталь зачастую нельзя было попасть. Никакой помощи гражданскому населению не оказывалось, приходилось только подбирать и спасать от холода заболевших. Губздрав только что образовался и тоже никакой помощи

гражданскому населению оказать не мог. Взятые были все здания, какие только возможно, вплоть до кинематографов... Военнопленные, свободно расхаживающие по городу, заходя в частные дома, разносили заразу. Запертые в Военном городке люди были в ужасном положении. Не было дров, не было продовольствия. (...) Немногим лучше было положение и в городе. Не хватало врачей, не было продовольствия, дров, белья. Больные лежали в своей одежде, и вшивость в госпиталях достигала колоссальных размеров. (...) В городе переболели буквально все. Из 30-тысячного населения Военного городка не болело только 370 человек. В настоящее время население городка сократилось до 10 тысяч. Часть отправлена на работы, часть разбрелась, а часть умерла... ЧКтиф, видя свою беспомощность, обратился к гражданскому населению с призывом проявить самодеятельность. По инициативе населения стали возникать пункты — изоляторы с малой вместимостью, и эти пункты Губздравом постепенно превращены в госпитали, сейчас их 10. Военных госпиталей в городе около 30» [17, л. 54—54 об.].

Вполне очевидно, что при таких условиях переезд в Новониколаевск учреждений с тысячами служащих был совершенно не готов. Но Сибревком настоял на своем. По его указанию вскоре возобновилась разработка плана по смене резиденции сибирского центра.

В октябре 1920-го при отделе управления Сибревкома была образована межведомственная комиссия по выделению новых административных единиц Сибири. На заседании 18 октября комиссия «принципиально высказалась за образование Новониколаевской губернии» и дала указание «запросить заинтересованные в этом губернии Томскую и Алтайскую с предположением представить материалы с мотивированным заключением по данному вопросу» [18, л. 12].

С мест начали поступать различные проекты и сметы, на основании которых определялись границы новых уездов, численность в них волостей и общая экономическая оценка районирования. К весне 1921 года работа по сбору сведений была в основном завершена.

Однако проблема выделения новой губернии являлась лишь самой простой частью намечаемой реформы. Намного сложнее было решение главной задачи — создание новой столицы Сибири и размещение ее служебного аппарата в небольшом городке. Никто из советских организаторов не обладал опытом подобного переустройства и, как показала практика, не в состоянии был оценить масштаб предстоящих трудностей, но в особенности последствий этого не могли представить себе сами жители Новониколаевска.

В марте 1921 года делегация сибирских коммунистов-руководителей выехала в Москву на X съезд РКП(б). Пока шли заседания, план переезда сибирских организаций был согласован и одобрен правительстве. 16 марта, когда съезд завершал работу, газета «Советская Сибирь» сообщила, что перевод учреждений в Новониколаевск «окончательно решен в положительном смысле. Организованы под руководством т. Косарева две комиссии, которые ведут подготовительные работы по ремонту помещений и жилищ для сотрудников в Новониколаевске и Томске». Одна комиссия решала вопросы, связанные с передислокацией учреждений, другая занималась учетом и распределением жилья (чрезвычайная жилищная — ЧЖК).

Комиссия по переезду (главная) заседала в Омске. Кроме члена Сибревкома В. М. Косарева в нее входили уполномоченный Наркомата почт и телеграфа РСФСР по Сибири (Сибпочтель) С. М. Гоголев, представитель военного отдела Сибревкома Тюрин и от Сибпродкома Айзин.

На своем первом заседании 23 марта она утвердила программу «по переселению Сибирских учреждений (Сибов) из Омска в Новониколаевск» с описанием способов переезда и мест для размещения советских работников. «Принимая во внимание (...) перегруженность и квартирный кризис, — говорилось в документе, — Комиссия намечает ряд населенных пунктов в окрестностях г. Новониколаевска для выселения туда на постоянное жительство обывателей Новониколаевска, не занятых советской работой, и расквартирования советских служащих, причем находит возможным: первых выселить в пункты на расстоянии от города от 10—15 верст, а последних расквартировать в пункты на расстоянии от города до 10 верст» [19, л. 5]. Здесь же указывался перечень деревень, в которых следовало расквартировать переселяемых: для «обывателей, не занятых советской работой» — Ельцовка, Толмачево, село Бердское, Чемская, Мочище, Кубовая. А для «совслужащих», «в случае, если не найдется помещения для размещения в городе» — деревни Иня, Бугры, Малое и Большое Кривошеково.

Таким образом, принудительное выселение части горожан вместе с беженцами и иностранными подданными, именуемое «разгрузкой города», было одним из ключевых элементов проекта по переезду³ [20, л. 106]. Второй задачей комиссии стал выбор места для госпиталей. Решение состояло в следующем: «Принимая во внимание перегруженность Новониколаевска госпиталями, комиссия признает желательным госпиталь перенести в города Томск и Омск и внести этот вопрос на обсуждение Сибревкома».

Переезд из Омска начался в середине мая 1921-го. По предварительной оценке, в результате этой кампании население Новониколаевска должно было увеличиться сразу более чем на 20 тысяч человек, что неизбежно создавало множество непредвиденных проблем. Чтобы разместить и обеспечить необходимыми средствами такое количество прибывающих, предстояло найти какие-то необычные способы и приемы при самых скудных наличных ресурсах. В реальности, однако, такие средства уже имелись, и их применение открывало советским властям широкие возможности для маневра. Этому служили ликвидация системы имущественных прав в стране и всеобщая национализация жилищ и строений, проведенная в городе в 1920 году⁴ [21, л. 109].

Тем не менее перед комиссией Косарева возникли препятствия естественного свойства: размеры выселения «обывателей» и конфискуемых у них жилищ оказались весьма ограничены. Уже после перевода из Омска $\frac{3}{4}$ учреждений Комиссия констатировала, что для размещения служащих «использованы все средства возможного уплотнения и выселения из города беженцев империалистической войны», а оставшаяся четверть «может быть размещена лишь за счет самого интенсивного выселения из города граждан, нахождение которых по соображениям политическим и квартирно-жилищным нежелательно и на выселение которых уже получено разрешение Сибревкома» [22, л. 110 об.].

Рассчитывая выявить дополнительные резервы жилья, комиссия приняла решение о создании специального «квартирного фонда для размещения сотрудников Сибучреждений и их семейств». Наполнение фонда должно было происходить следующим образом: «а) ежедневно неукоснительно проводить членами ЧЖК поулочное обследование города, во время которого фиксировать нетрудовой элемент, брать на учет мебель и т.п.; б) проводить обследование посредством комендантов и их сотрудников под руководством инспекторов. (...) г) для устранения излишней волокиты в работе Комиссии по разгрузке города, а также для извлечения из недр советских учреждений и предприятий на предмет выселения из города лиц, ранее эксплуатировавших чужой труд или выбиравших промысловые свидетельства... создать особую Тройку, в которую назначить т.т. Дрейер, Солодовникова и Лосева» [22, л. 110 об.; 23].

Задачи поголового учета «нетрудового элемента», «поулочного обследования» и «извлечения из недр» без «излишней волокиты» отчетливо свидетельствовали о том, что жителям Новониколаевска уже невозможно было уклониться от «уплотнения» и «разгрузки». Именно по этой схеме и происходила реализация плана размещения «Сибов».

Положение многих горожан превратилось в бесконечный ужас. Их интересы и гражданские права были первыми принесены в жертву жилищного кризиса. Об отношении советских властей к судьбе рядовых обывателей (на большевистском языке — «нетрудовых элементов») в этот период можно судить по рассказу работника Сибревкома Якова Торика, описывавшего участие в расселении как об одном из важных эпизодов своей карьеры. «С июня 1921 г. по март 1922 г., — пишет этот сотрудник, — я работал членом и заместителем председателя Чрезвычайной жилищной комиссии при Сибревкоме, которая в г. Новониколаевске практически выгнала из домов всю буржуазно-спекулятивную сволочь и разместила в этих домах тогда Сибирские краевые учреждения и их сотрудников, перебравшихся из г. Омска. В процессе этой работы каждодневно приходило по несколько сот жалобщиков, обиженных Соввластью, из которых часть приходилось выгонять как чуждых людей, а часть арестовывать за сопротивление при выселении из домов...» [24, л. 6].

Но и ресурсы тех, о которых докладывал Торик, были быстро исчерпаны. Списки для принудительного выселения стали расширяться за счет других категорий жителей. В одной из телеграмм председатель ЧЖК давал следующее разъяснение: «Выселению подлежат дезертиры труда, спекулянты, не связанные службой и хозяйством, нетрудоспособные, инвалиды, не имеющие недвижимости и ближнего родства, связанного со службой государства» [22, л. 35].

Чрезвычайная жилищная комиссия, наделенная исключительными правами, исполняла в эти месяцы особую роль как высшая инстанция. От районных комендантов и инспекторов здесь собирались все сведения о квартирах, помещениях для учреждений и выдавались распоряжения о вселении. Без санкции ЧЖК мандаты на любое занятие помещения считались незаконными. Но установить полный контроль за распределением было невозможно. Уже на начальной стадии процесс переселения тысяч служащих и членов их семей из планового мероприятия превратился в стихию. Прибывавшие же-

лезнодорожные эшелоны из Омска с людьми, тоннами багажа, мебелью и архивами очень быстро привели к исчерпанию всяких резервов, и решения ЧЖК не в состоянии были остановить хаос.

Под жилье и служебные помещения занимались все комнаты и углы, представлявшие хоть какой-то интерес. Немногочисленный фонд готовых квартир в домах был передан семьям руководящих работников, все остальное распределялось между рядовыми служащими. Постоянным жильем становились общежития, амбары, дачные домики, бани, складские помещения...

Положение усугублялось еще и тем, что в Новониколаевск из Томска начали прибывать губернские организации и их сотрудники в связи с повторным переносом губернского центра.

Город с огромным трудом адаптировался к новым условиям. «Став областным городом и центром Сибири, — говорил в одном отчете, — он насчитывает до 6500 домов крупных и мелких с 13500 комнатами, которые не могут удовлетворить требований на жилую площадь... Всякое планомерное размещение по ордерам немислимо» [25, л. 6–6 об.].

В этих условиях приобретение жилплощади или офиса превратилось в межведомственную борьбу. Поскольку ходатайства в ЧЖК уже не могли удовлетворяться, развернулось состязание статусов: преимущества получал тот, у кого имелось больше властных полномочий. Самозахваты превратились в норму, а процедура расселения перешла в стадию самотека.

В июне в Новониколаевск прибыл аппарат Сибревкома, заняв здание бывшего реального училища. В Городском торговом корпусе разместились Сибсовнархоз и штат Чрезвычайного уполномоченного по снабжению Красной армии (Чусоснабарм), отделение бывшего Московского народного банка было передано Сибтряду и штабу Трудовой армии. В доме бывшего предпринимателя Второва расположились Сибвнешторг и Комитет Северного Морского пути и т.д. Однако численность служащих значительно превышала всякие нормы по размещению.

Из-за нехватки помещений некоторые здания по требованию ЧЖК по несколько раз передавались от одних ведомств к другим. Но особенно драматично решались вопросы о жилье для служащих. Заявки и ходатайства ведомств в огромной степени превосходили наличные ресурсы, из-за чего часто происходило бесконтрольное распределение жилищ и самозахват. Летом 1921 года ЧЖК принимало такие решения: «Выселяемых, особенно мелких сотрудников, помещать в строения ни в коем случае непригодные под общежитие или учреждение, чтобы не переселять двукратно и троекратно, как это наблюдалось до сих пор, и вообще переселение делать продуманно» [26, л. 129].

Но обуздать стихию было невозможно. Выдаваемые властями ордера часто оспаривались либо вообще не давали владельцу никаких прав, и его квартиру или комнату могли в удобный момент занять другие желающие. Поэтому вскоре в оборот вошли «охранные свидетельства». Их стали требовать от ЧЖК в качестве дополнительной гарантии защиты жилья те, кто уезжал в командировку или в отпуск.

Через два месяца после начала переезда ситуация с размещением зашла в тупик. Сотрудники ЧЖК выбивались из сил, занимаясь «разгрузкой города», бесчисленными «уплотнениями», рас-

смотрением жалоб и ведомственных притязаний. В августе ЧЖК констатировала, что «дальнейшее размещение Сибучреждений в г. Новониколаевске становится невозможным ввиду того, что в город въехало и въезжают внеплановые учреждения, в то время как нет возможности вместить в городе плановые... Выселение из города не может дать требуемого количества помещений», так как контингент выселяемых небольшой, а ходатайства всевозможных учреждений в отношении многих сотрудников тормозят работу, «несмотря на то, что эти лица есть чисто буржуазного сословия и даже контрреволюционного типа».

С учетом этого ЧЖК приняло отчаянно-ультимативное решение: «Срочно доложить в Сибревком и Губисполком: «Ввиду прибытия еще в г. Новониколаевск Сибучреждений, как-то: Сибнаробраз, Сибполитпросвет, Сибвнешторг, [всего перечислено 18 ведомств. — С. П.], — при настоящих условиях разместить не представляется возможным, если Сибревкомом не будет утверждено следующее: выселить Начэвака, перевести Сибнаробраз в Томск, перевести Сибздрав в Томск, Сибтрудоармию оставить в Бердске, все детдома Новониколаевска перевести в Томск. Если Сибревком найдет невозможным удовлетворить выше изложенное, то ЧЖК вынуждено просить о сложении полномочий с членов ЧЖК и передачи дел в Губисполком или назначении других представителей» [22, л. 57].

Это предложение пришлось выполнить: часть ведомств и учреждений вскоре покинуло Новониколаевск, переместившись в Омск или Томск. Осенью 1921-го переезд в основном был завершен.

Однако проблему с размещением смягчить не удалось, и она оставалась одной из самых болезненных в жизни новой столицы в течение еще нескольких десятилетий. В официальном издании середины 1920-х годов отмечалось: «Не имея свободного квартирного фонда, город Новониколаевск, начиная с июня 1921 года, переживает страшный квартирный кризис и тесноту» [2, с. 51]. И хотя общесибирские и губернские ведомства развернули свою работу, повседневная жизнь горожан погрузилась в бытовую неустроенность и постоянную борьбу с житейскими трудностями.

Возвышение Новониколаевска как административного центра Сибири, начавшись еще в досоветскую эпоху, завершилось путем преодоления огромных препятствий. Тем не менее это был вполне закономерный итог, сформированный целым рядом исторических, социально-экономических и военно-политических причин. Самую важную роль в этом сыграли естественно-географические факторы, создавшие очевидные транспортно-логистические и экономические преимущества для роста города. Но с начала 1920-х годов их значение усиливалось влиянием происходивших военно-политических событий. Возникший в России большевистский режим был не в состоянии управлять огромной сибирской территорией из московского центра и должен был создать особое «сибирское правительство» — Сибревком вместе с Сиббюро ЦК РКП(б) в качестве своих представителей. По мере того, как коммунистическая власть на периферии укреплялась и овладевала рычагами управления, значение столичных функций агентов Москвы понижалось, административные рычаги стали сменяться экономическими, кадровые назначения — выборными должностями. Посредники для центра становились излишним звеном. В 1924 году Сиббюро ЦК,

а затем и Сибревком прекратили существование, но Новониколаевск (с 1926 — Новосибирск) продолжал выполнять роль общесибирского центра. Эта роль была снижена в 1930 году в результате разделения Сибирского края на Западно- и Восточно-Сибирский, а в 1937-м «столица» Сибири исчезла окончательно, превратившись в один из областных городов на востоке страны.

Примечания

¹ Подробнее об истории Новониколаевского ревкома см. [6].

² Детальное описание борьбы с эпидемиями в Новониколаевске содержится в документальном сборнике [15].

³ Только беженцев и подданных других стран в городе было зарегистрировано около 4500 семей.

⁴ Декретом горужездного исполкома в 1920 г. было отменено право частной собственности «на все строения, расположенные в черте города Новониколаевска, коих общая стоимость вместе с находящимися под ними землей равняется двадцати и свыше тысячам рублей, ...определенная по оценке 1917 года» [21]

Библиографический список

1. Баландин С. Н. Новосибирск. История градостроительства 1893—1945 гг. Новосибирск: Зап.-Сиб. книжное изд-во, 1978. 135 с.
2. Весь Новониколаевск. Адресно-справочная книга с краткой историей и планом города на 1924—1925. Новониколаевск: Сиб. отделение Российского телеграфного агентства, 1924. 298 с.
3. Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Цепляев Л. Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX — начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1978. 296 с.
4. Новосибирск. 100 лет. События. Люди: 1893—1993 / Отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск: Сиб. изд. фирма, 1993. 472 с. ISBN 5-02-030250-3.
5. История города. Новониколаевск-Новосибирск. Исторические очерки: моногр. / отв. ред. А. Ф. Косенков. Новосибирск: Изд. дом Историческое наследие Сибири, 2005. 864 с. ISBN 5-86272-099-5.
6. Кокорулин В. Г. Новониколаевск в годы гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917 — март 1921 г.). Новосибирск, 2010. 324 с.
7. Маранин И., Осеев К. Новосибирск: пять исчезнувших городов. В 2 кн. Кн. II. Город красного солнца. Новосибирск: Свинья и сыновья. 2017, 452 с. ISBN 978-5-98502-175-2.
8. Мой Новосибирск: Книга воспоминаний / Авт. сост. Т. Иванова. Новосибирск, 1999. 363 с. ISBN 5-08-007748-4.
9. Молчанова О. В. Социально-экономическое развитие города Новосибирска // Новосибирская область: история и современность. Материалы научно-практической конференции. В 2 ч. Новосибирск, 2012. Ч. 1. С. 69—75. ISBN 978-5-8119-0499-0.
10. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1124. Оп. 1. Д. 29.
11. ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 4. Д. 14.
12. ГАНО. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 2.
13. ГАНО. Ф. Р-1349. Оп. 1. Д. 12.
14. ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 4. Д. 32.
15. ЧЕКАТИФ: Томская (Новониколаевская) губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с тифом (декабрь 1919 г. — апрель 1920 г.); сб. документов и материалов / Под ред. А. И. Савина, Д. Г. Симонова. Новосибирск, 2020. 199 с.
16. ГАНО. Ф. Р-1133. Оп. 1. Д. 431 «в».
17. ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 4. Д. 22.
18. ГАНО. Ф. Р-1133. Оп. 1. Д. 34 а.
19. ГАНО. Ф. Р-1124. Оп. 1. Д. 302.

20. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 635.
21. ГАНО. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 1.
22. ГАНО. Ф. Р-1124. Оп. 1. Д. 303.
23. Советская Сибирь. 1921. 5 июля.
24. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 17. Д. 3792.
25. ГАНО. Ф. Р-1124. Оп. 1. Д. 578.
26. ГАНО. Ф. Р-1124. Оп. 1 Д. 306.

ПАПКОВ Сергей Андреевич, доктор исторических наук, профессор (Россия), старший научный сотрудник сектора общественно-политического раз-

вития Института истории Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск.
SPIN-код: 8000-8688
AuthorID (РИНЦ): 76586
Адрес для переписки: sparkov@ya.ru

Для цитирования

Папков С. А. Становление Новониколаевска/Новосибирска как столицы Сибири в начале 1920-х гг. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 2. С. 14–21. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-14-21.

Статья поступила в редакцию 08.04.2024 г.

© С. А. Папков

TRANSFORMING NOVOSIBIRSK INTO THE CAPITAL OF SIBERIA IN THE EARLY 1920s

The development of Novonikolaevsk (Novosibirsk) and its transformation into a city of all-Siberian importance is connected with the construction of the Trans-Siberian Railway and the growth of the city's economy due to its favorable geographical location.

The decision about Novonikolaevsk as a residence of Siberia's governing bodies was made in a hurry, with the resistance of various interested parties and was finally approved in the spring of 1921 in the conditions of acute crisis caused by the consequences of the civil war. In such an environment the mass transfer from Omsk and the organization of all-Siberian institutions in Novonikolaevsk began, with the simultaneous creation of provincial government bodies in the city as well. As a result, this led to enormous problems with the accommodation of numerous employees with their families and strenuous efforts to overcome the housing crisis. Radical measures were taken to solve the difficulties: emergency commissions were set up to search for and distribute premises, mass evictions outside the city of residents not connected with service in Soviet institutions were carried out. But these measures had only a minor effect — the housing crisis and the shortage of office space persisted for decades.

Keywords: Siberia, Siberian Revolutionary Committee, administrative center, Novonikolaevsk, relocation, housing crisis.

References

1. Balandin S. N. Novosibirsk. Istoriya gradostroitel'stva 1893–1945 gg. [Novosibirsk History of urban planning 1893–1945]. Novosibirsk, 1978. 135 p. (In Russ.).
2. Ves' Novonikolaevsk: Adresno-spravochnaya kniga s kratkoy istoriyey i planom goroda 1924–1925 [All Novonikolaevsk. Address and reference book with brief history and plan of the city for 1924–1925]. Novonikolaevsk, 1925. 298 p. (In Russ.).
3. Goryushkin L. M., Bochanova G. A., Tseplyayev L. N. Novosibirsk v istoricheskom proshlom (konets XIX–nachalo XX v.) [Novosibirsk in the historical past (late XIX–early XX centuries)]. Novosibirsk, 1978. 296 p. (In Russ.).
4. Novosibirsk. 100 let. Sobytiya. Lyudi: 1893–1993 [Novosibirsk 100 years. Events. People: 1893–1993] / Ed. by L. M. Goryushkina. Novosibirsk, 1993. 472 p. ISBN 5-02-030250-3. (In Russ.).
5. Istoriya goroda. Novonikolaevsk-Novosibirsk. Istoricheskiye ocherki [History of the city. Novonikolaevsk-Novosibirsk. Historical essays] / Ed. by A. F. Kosenkov. Novosibirsk, 2005. 864 p. ISBN 5-86272-099-5. (In Russ.).
6. Kokoulin V. G. Novonikolaevsk v gody grazhdanskoj vojny i «voyennogo kommunizma» (fevral' 1917–mart 1921 g.) [Novonikolaevsk during the years of the civil war and «war communism» (February 1917–March 1921)]. Novosibirsk, 2010. 324 p. (In Russ.).
7. Maranin I., Oseyev K. Novosibirsk: pyat' ischeznuvshikh gorodov. V II kn. Kn. II. Gorod krasnogo solntsa [Novosibirsk: five disappeared cities. In II Books. Book II. City of the Red Sun]. Novosibirsk, 2017. 452 p. (In Russ.).
8. Moy Novosibirsk: Kniga vospominaniy [My Novosibirsk: A Book of Memories] / Cont. author T. Ivanova. Novosibirsk, 1999. 363 p. (In Russ.).
9. Molchanova O. V. Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye goroda Novosibirsk [Socio-economic development of the city of Novosibirsk] // Novosibirskaya oblast': istoriya i sovremennost'. *Novosibirsk Region: History and Modernity. In 2 Part.* Novosibirsk, 2012. Part 1. P. 69–75. ISBN 978-5-8119-0499-0. (In Russ.).
10. Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti (GANO) [State Archive of the Novosibirsk Region (SANR)]. File: P-1124/1/29. (In Russ.).
11. GANO [SANR]. File: P-532/4/14. (In Russ.).
12. GANO [SANR]. File: P-1137/1/2. (In Russ.).
13. GANO [SANR]. File: P-1349/1/12. (In Russ.).
14. GANO [SANR]. File: P-532/4/32. (In Russ.).
15. ChEKATIF: Tomskaya (Novonikolaevskaya) gubernskaya chrezvychaynaya komissiya po bor'be s tifom (dekabr' 1919 g. – aprel' 1920 g.): sb. dokumentov i materialov [CHECATIF: Tomsk (Novonikolaevskaya) provincial emergency commission to combat typhus (December 1919–April 1920): collection documents and materials] / Ed. by A. I. Savina, D. G. Simonova. Novosibirsk, 2020. 199 p. (In Russ.).
16. GANO [SANR]. File: P-1133/1/431 «B». (In Russ.).
17. GANO [SANR]. File: P-532/4/22. (In Russ.).
18. GANO [SANR]. File: P-1133/1/34 a. (In Russ.).
19. GANO [SANR]. File: P-1124/1/302. (In Russ.).
20. GANO [SANR]. File: P-1/1/635. (In Russ.).
21. GANO [SANR]. File: P-1137/1/1. (In Russ.).
22. GANO [SANR]. File: P-1124/1/303. (In Russ.).

23. Sovetskaya Sibir'. Sovetskaya Sibir'. 1921. July 5. (In Russ.).

24. GANO [SANR]. File: P -3/17/ 3792. (In Russ.).

25. GANO [SANR]. File: P-1124/1/578. (In Russ.).

26. GANO [SANR]. File: P-1124/1/306. (In Russ.).

PAPKOV Sergey Andreyevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher of Socio-Political Development Sector, Institute of History, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk. SPIN-code: 8000-8688

AuthorID (RSCI): 76586

Correspondence address: spapkov@ya.ru

For citations

Papkov S. A. Transforming Novosibirsk into the capital of Siberia in the early 1920s // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2024. Vol. 9, no. 2. P. 14–21. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-14-21.

Received April 8, 2024.

© S. A. Papkov